

ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

Став начальником Генерального штаба, я, естественно, вплотную и практически столкнулся с театром возможной войны на Азиатском континенте, с проблемами укрепления боевой готовности советских войск на рубежах с нашим агрессивным восточным соседом.

То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года. После окончания Белорусской операции И.В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. А о возможности такой войны я был уже осведомлен в конце 1943 года, когда возвратилась советская делегация во главе с И.В. Сталиным с Тегеранской конференции. Мне было тогда сообщено, что наша делегация дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии.

Но для вступления в войну с Японией у нас имелись и свои жизненные интересы. Японские милитаристы многие годы вынашивали планы захвата советского Дальнего Востока. Они почти постоянно устраивали военные провокации на наших границах. На своих стратегических плацдармах в Маньчжурии они держали крупные военные силы. Ситуация особенно обострилась, когда фашистская Германия развязала разбойничью войну против нашей Родины. Для борьбы с

агрессором нам до разреза нужна была каждая свежая дивизия, а мы держали и не могли не держать на Дальнем Востоке несколько армий в полной боевой готовности.

И.В. Сталин повседневно интересовался всеми сведениями о действиях нашего восточного соседа и требовал от Генерального штаба самых подробных докладов на сей счет. Мы видели, что даже тогда, когда Япония втянулась в войну с США и Англией на Тихом океане и стала терпеть поражения, перешла к оборонительной стратегии, ее руководители не сделали ни единого практического шага к сокращению своих войск в Маньчжурии и Корее.

Союзники признавали решающее значение вступления СССР в войну против Японии. Они заявляли, что только Красная Армия способна нанести поражение наземным силам японских милитаристов.

«Победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены японские сухопутные силы», – такого мнения придерживался главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана генерал Макартур. Ссылаясь на то, что США и их западные союзники не располагали возможностями для этого, он требовал в канун Крымской конференции союзников от своего правительства «приложить все усилия к тому, чтобы добиться вступления в войну Советского Союза». В специальном меморандуме Объединенного комитета начальников штабов от 23 декабря 1944 года отмечалось: «Вступление России в войну как можно скорее... необходимо для оказания максимальной поддержки нашим операциям на Тихом океане».

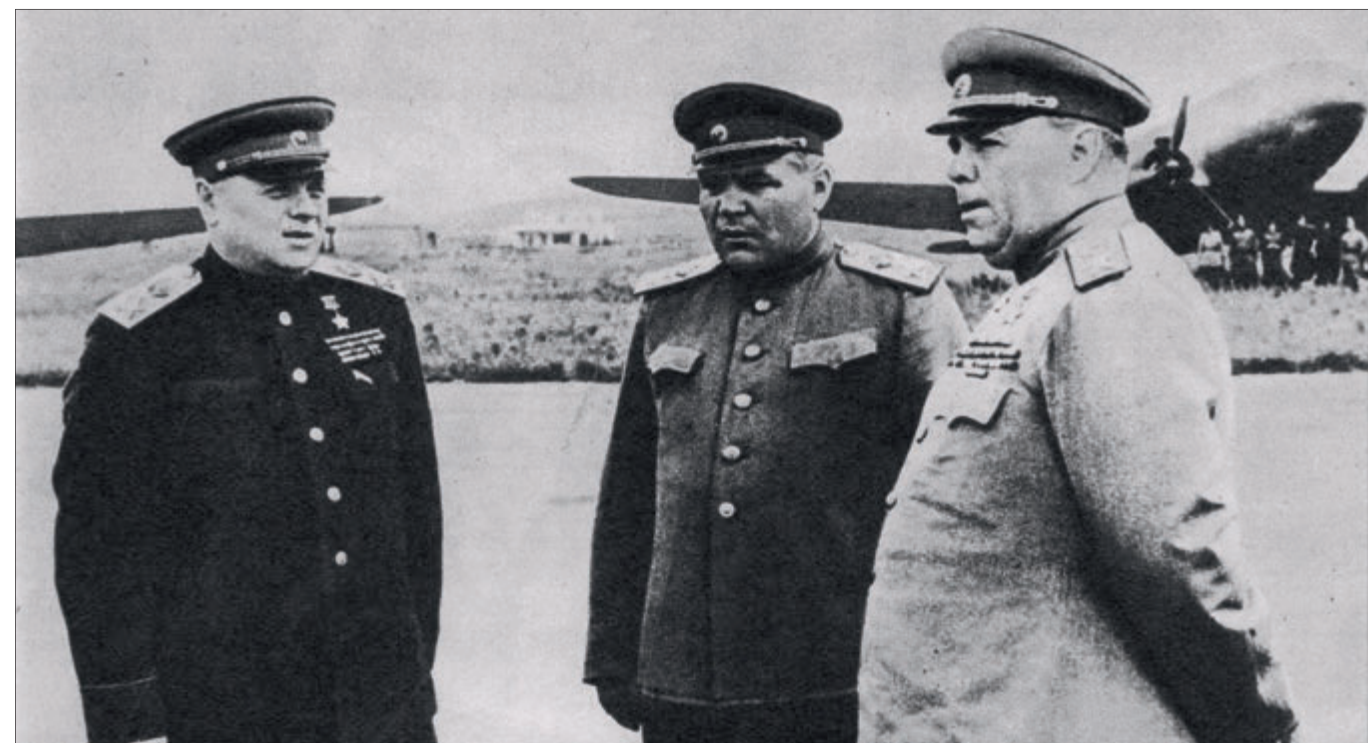
Принимавший участие в работе Ялтинской конференции бывший государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: «Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 году или позже, а разгром ее может стоить Америке миллион солдат».

Маршал Советского Союза А.М. Василевский начал разработку плана войны с Японией в апреле 1945 года, хотя черновые наброски плана были сделаны еще осенью 1944 года. Под его руководством к 27 июня был подготовлен план Маньчжурской стратегической наступательной операции, который был одобрен Ставкой и Государственным Комитетом Обороны. 5 июля 1945 года переодетый в форму генерал-полковника, с документами на имя Васильева, Василевский прибыл в Читу. 30 июля директивой ГКО он был назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

В ходе подготовки наступления А.М. Василевский посетил исходные позиции войск Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, обсудил обстановку с командующими армиями и корпусами.

Всего 24 дня потребовалось советским и монгольским войскам под командованием А.М. Василевского, чтобы разгромить в Маньчжурии миллионную Квантунскую армию Японии. Как это происходило, А.М. Василевский описал в своих мемуарах «Дело всей жизни». Отрывок из этой книги публикуется с небольшими сокращениями.

В связи с этим американская и английская делегации прибыли на Крымскую конференцию с твердым намерением добиваться согласия Советского Союза на вступление в войну против Японии. Как сообщил мне потом А.И. Антонов, участвовавший в работе конференции, Рузвельт и Черчилль настойчиво требовали скорейшего вступления СССР в войну. В итоге обсуждений было подписано 11 февраля 1945 года Соглашение трех держав, в котором говорилось: «Руководители трех великих держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников».

После Ялтинской конференции подготовка к войне с Японией в Ставке Верховного Главнокомандования и особенно в Генеральном штабе заметно активизировалась.

В марте – апреле 1945 года мы приняли меры к тому, чтобы обновить вооружение и материальную часть в войсках Дальнего Востока. Туда направлялось 670 танков Т-34 и много другой боевой техники.

Замысел плана этой крупнейшей по размаху операции был определен с учетом характера театра предстоящих военных действий. Война должна была

развернуться на территории площадью около 1,5 млн. кв. км и на глубину 200–800 км, а также на акватории Японского и Охотского морей. План заключался в одновременном нанесении со стороны Забайкалья, Приморья и Приамурья главных и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Северо-Восточного Китая направлениям с целью расчленения и разгрома по частям основных сил японской Квантунской армии.

Успешное претворение в жизнь этого замысла в значительной степени зависело от правильного выбора направлений главных ударов и определения количества и состава сил для них. В ходе разработки плана операции был рассмотрен ряд вариантов. Выбор направлений был обусловлен не только принятой формой ведения наступательной стратегической операции, но и своеобразной конфигурацией государственной границы, характером группировки японских войск и системы их обороны.

Мы учитывали, что Квантунская армия за лето 1945 года удвоила свои силы. К началу войны против нашей страны японская армия на Дальнем Востоке вместе с марионеточными войсками местных правителей насчитывала свыше 1200 тыс. человек. В ее состав входили три фронта. С воздуха Маньчжурию прикрывала 2-я воздушная, а Корею – 5-я воздушная армии.

На территории Маньчжурии в распоряжении японского командования находились армии Маньчжоу-Го, Внутренней Монголии и Суйюанская армейская группа, которые насчитывали восемь пехотных и семь кавалерийских дивизий, четырнадцать пехотных и кавалерийских бригад.

Японские военные силы опирались на богатые материальные, продовольственные и сырьевые ресурсы Маньчжурии и Кореи и на маньчжурскую промышленность, производившую в основном все необходимое для их жизни и боевой деятельности. На территории, занимаемой войсками Квантунской армии, находилось 13 700 км железных и 22 тыс. км автомобильных дорог, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок – всего более 400 аэродромных точек, 870 крупных военных складов и хорошо оборудованные военные городки.

В Маньчжурии по границам с нами и Монгольской Народной Республикой японские милитаристы создали 17 укрепленных районов, из них 8 – на востоке против советского Приморья. Каждый укрепленный район занимал 50–100 км по фронту и до 50 км в глубину. Их предназначение – не только усиление обороны, но и создание более выгодных условий для сосредоточения и развертывания войск. Линия пограничных укрепленных районов состояла из трех позиций.

Четыре укрепленных района были построены в Корее и один против Северного Сахалина. Острова Курильской гряды прикрывались береговыми артиллерийскими батареями, укрытыми в железобетонные сооружения, и воинскими гарнизонами, обеспеченными развитыми долговременными оборонительными сооружениями.

Разработанный нами в Генеральном штабе план кампании на Дальнем Востоке был одобрен Ставкой, а затем утвержден ЦК партии и Государственным Комитетом Обороны. В плане предусматривалось нанести основной удар со стороны Забайкалья – территории МНР – в направлении на Чанчунь (Синьцзян) и Шэньян (Мукден). Его цель – вывести главную группировку советских войск в обход с юга Хайларского и Халун-Аршанского укрепленных районов и расчленив 3-й фронт Квантунской армии на две части. Правда,

на пути наступления советских войск этой группы до выхода их в центральные районы Северо-Восточного Китая находилась безводная пустынная степь, а также труднодоступный горный хребет Большой Хинган.

Встречный сильный удар предусматривался со стороны Приморья, из района южнее озера Ханка, в направлении на Цзилинь (Гирин) войсками 1-го Дальневосточного фронта.

Одновременно планом было предусмотрено, что силами этих же двух основных группировок советских войск будет нанесено по два вспомогательных удара. Развернутая в Приамурье группировка должна была наступать на ряде направлений с севера, чтобы сковать противостоящего ей врага и тем способствовать успеху нанесения ударов на главных направлениях.

Принимая такое решение, Ставка и Генеральный штаб знали, что оба Дальневосточных фронта не имели достаточных сил для разгрома японских войск и скорейшего окончания войны. Поэтому в срочном порядке была проведена стратегическая перегруппировка сил и средств с западного театра военных действий на Дальний Восток.

Пришлось много поработать над планом перевозок, который по своим вырисовавшимся показателям был поистине грандиозным. Предстояло осуществить эти перевозки по однопутной железнодорожной магистрали в крайне сжатые сроки и на огромные расстояния – от 9 тыс. до 12 тыс. км. В этом отношении они не имели себе равных.

Конкретизирую свою мысль. Только в составе трех общевойсковых и одной танковой армий, переброшенных с запада на Дальний Восток, насчитывалось 12 корпусов, или 39 дивизий и бригад. Помимо этого был переброшен ряд других соединений и частей разных родов войск и различного назначения. В результате проведенной перегруппировки боевой состав советских войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье к началу боевых действий против Японии возрос почти вдвое.

Но это не было простым количественным увеличением войск. Была осуществлена предусмотренная планом перегруппировка соединений и объединений, наиболее отвечающая решению задач в конкретных услови-

ях дальневосточного театра военных действий. В зависимости от их опыта и качества определялось и их место в оперативном построении фронтов на Дальнем Востоке.

Например, основная масса войск, прибываемых с запада в состав Забайкальского фронта, должна была выгружаться в районе города Чойбалсан на территории МНР. Но однопутная железная дорога имела небольшую пропускную способность и не могла обеспечить необходимого потока эшелонов с войсками и грузами. Поэтому части войск артиллерии на механизированной тяге и моторизованные соединения разгружались на железнодорожных станциях между Читой и Карымской, а далее они следовали своим ходом, совершив марши от 600–700 км до 1000–1200 км. Из района Чойбалсана войска всех трех армий и части усиления выдвигались в районы их развертывания на государственной границе Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го еще на расстоянии до 250–300 км.

Задача обеспечения безопасности сосредоточения и развертывания прибывавших войск была возложена на приграничные укрепленные районы и часть сил полевых войск, выдвинутых к границе на заблаговременно подготовленные рубежи обороны.

Для того чтобы прикрыть приграничные и тыловые районы с воздуха силами противовоздушной обороны, были развернуты в соответствии с постановлением ГКО от 14 марта 1945 года три армии ПВО – Забайкальская, Приамурская и Приморская.

Всего 8 августа 1945 года Главное командование советских войск на Дальнем Востоке развернуло одиннадцать общевойсковых армий, две оперативные группы, одну танковую армию, три воздушные армии, три армии ПВО, четыре отдельных авиационных корпуса. Кроме того, оно располагало силами Тихоокеанского флота (включая Северную Тихоокеанскую флотилию), Амурской речной флотилией, а также планировало использовать в боях и пограничные отряды НКВД.

Все сосредоточенные на Дальнем Востоке войска решением Ставки были объединены в три фронта: Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные.

5 июля с документами на имя генерал-полковника Васильева я прибыл специ-

альным поездом в Читу. Одет я был тоже в форму генерал-полковника.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования со мной приехали командующий ВВС Советской Армии Главный маршал авиации А.А. Новиков, заместитель командующего артиллерией Советской Армии маршал артиллерии М.Н. Чистяков, заместитель начальника войск связи Н.Д. Псурцев, заместитель начальника тыла генерал-полковник В.И. Виноградов и некоторые другие ответственные работники Наркомата обороны и Генерального штаба.

Прежде всего я познакомился с войсками Забайкальского фронта. Вместе с Р.Я. Малиновским побывал на основных участках. Провели ряд рекогносцировок, ознакомились, насколько могли, с войсками, обсудили обстановку и предстоящие боевые задачи с командованием армий, корпусов и командирами основных дивизий.

Должен отметить, что мое временное воинское звание не раз ставило в затруднительное положение офицеров, ранее знавших меня на фронтах в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, к примеру в 39-й армии, 6-й танковой армии и других. Когда я прибывал в часть или соединение, дежурный подавал команду; подходит для доклада, как ему было сообщено, генерал-полковнику Васильеву, а видит маршала Василевского в форме генерал-полковника. Некоторые из них стояли какое-то время в недоумении с поднятой рукой у головного убора.

Поездка по войскам Забайкальского фронта оказалась полезной. Были внесены существенные изменения в ранее принятые решения: сокращены сроки выполнения основных задач, предусмотренных директивой. Мы нашли возможным форсировать Большой Хинган войсками 6-й гвардейской танковой армии не на десятый день операции, как это планировалось, а не позднее пятого дня. Были значительно сокращены сроки выхода общевойсковых армий на Маньчжурскую равнину. Овладение укрепленным районом Хайлар 36-й армией наметили не на двенадцатый, а на десятый день операции.

На пять дней сократили первоначальные сроки и для войск, действовавших на правом крыле фронта, в частности для 17-й армии, которая должна была,

преодолев Большой Хинган, захватить район Дабанынан. Предусматривалось также значительно сократить сроки выхода конно-механизированной группы монгольско-советских войск в районы Калгана и Долоннора. Все эти изменения Ставка охотно утвердила.

Затем я совершил поездку по войскам Дальневосточных фронтов. Считаю необходимым отметить, что командование, штабы и политорганы этих фронтов также проделали большую работу по уточнению и конкретизации своих задач. Под руководством опытных командиров были проведены общевойсковые учения по тематике, близкой к боевым задачам, которые им предстояло решать. Огромную работу провели командования фронтов по улучшению материально-технического обеспечения операции.

Я регулярно информировал Верховного Главнокомандующего о ходе подготовки к боевым действиям. Наша телефонная связь работала безотказно.

16 июля ко мне в штаб войск Дальнего Востока, находившийся в 25 км юго-западнее Читы, позвонил из Потсдама И.В. Сталин. Это было накануне открытия Потсдамской конференции трех великих держав. Он спросил, как идет подготовка к операции, и поинтересовался, нельзя ли ее дней на десять ускорить. Я доложил, что сосредоточение войск и подвоз всего самого необходимого для них не позволяют сделать этого, и просил оставить прежний срок. Сталин дал на это согласие. Почему Сталин накануне этой конференции ставил перед мной этот вопрос – он мне не сказал. Впоследствии нам стало известно, что в соответствии с американскими планами разгрома Японии, разработанными еще до созыва Потсдамской конференции и утвержденными президентом США 29 июня, высадка американских войск на остров Кюсю должна была произойти 1 ноября 1945 года, а высадка на остров Хонсю – не ранее 1 марта 1946 года.

Известно и то, что президент Трумэн 18 июня 1945 года на совещании военных руководителей США заявил, что «одна из целей, которую он ставит перед собой на предстоящей конференции, будет заключаться в том, чтобы добиться от Советского Союза максимальной помощи в войне против Японии». Известно было и другое: накануне

Потсдамской конференции американцы провели первое испытание атомной бомбы в США, а через неделю, 24 июля, участник конференции, исполнявший обязанности президента, бывший вице-президент Г. Трумэн, отдал приказ командующему стратегическими военно-воздушными силами США сбросить в начале августа 1945 года атомную бомбу на один из следующих японских городов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки.

Получив в Потсдаме сообщение о результатах испытания бомбы, Трумэн попытался оказать политический нажим на советскую делегацию. Но он встретил с ее стороны спокойную уверенность и сдержанную твердость. 16 июля в момент разговора со мной Сталин, по-видимому, не мог знать о том, что за несколько часов до этого в Лос-Аламосе взорвалась испытываемая американцами атомная бомба. Надо полагать, интересуюсь сроками начала операции, он руководствовался не этим фактом, а общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американско-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии.

7 августа поступила директива Ставки. Войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, гласила она, 9 августа начать боевые действия для выполнения задач, поставленных директивами Ставки от 28 июня; боевые действия авиации всех фронтов начать с утра 9 августа; наземным войскам Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов границу Маньчжурии

перейти утром 9 августа; 2-му Дальневосточному фронту – по моему указанию. Тихоокеанскому флоту перейти в оперативную готовность номер один, приступить к постановке минных заграждений, одиночное судоходство прекратить, транспорты направить в пункты сосредоточения, а в дальнейшем организовать судоходство конвоями под охраной военных кораблей, подводные лодки развернуть, боевые действия флота начать с утра 9 августа.

В ночь на 9 августа передовые батальоны и разведывательные отряды трех фронтов в крайне неблагоприятных погодных условиях – летнего муссона, приносящего частые и сильные дожди, – двинулись на территорию противника. С рассветом главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов перешли в наступление и пересекли государственную границу. В это время я находился в районе штаба 1-го Дальневосточного фронта, который перед открытием военных действий перешел из-под Ворошиловска в тайгу, в специально построенные домики. А штаб Главного командования по-прежнему находился близ Читы.

Войска Забайкальского фронта шли по труднопроходимой местности. Даже у самих китайцев и японцев не имелось сколько-нибудь приличных карт, и наша картографическая служба немало потрудились, чтобы обеспечить коман-

диров необходимыми пособиями. Враг не предполагал, что советские войска сумеют за неделю пройти сотни километров в тяжелейших условиях. Элемент неожиданности был столь велик, а удар, полученный Квантунской армией с северо-запада, так силен, что она после него уже не смогла оправиться.

2-й Дальневосточный фронт теснейшим образом взаимодействовал с флотом и двумя флотилиями. Моряки и речники участвовали в высадке десантов на Курилах и Южном Сахалине, в форсировании Амура и Уссури, в боевых действиях на реке Сунгари. Интересной страницей сражений на Сахалине является также выброска нашего парашютного десанта в Тайохара (Южно-Сахалинске), чего противник никак не ожидал. Не менее изумительной по скорости, ловкости и смелости выполнения являлась высадка морских десантов на острова Итуруп, Кунашир и Шикотан.

С 1-м Дальневосточным фронтом взаимодействовала основная часть сил Тихоокеанского флота, базировавшаяся во Владивостоке. Согласованные операции подвижных частей с суши и десантников с моря по овладению корейскими портами Юки, Расин, Селсин и Гензан были быстрыми и удачными. Отличились парашютисты, высадившиеся в Харбине, Гирине и Хамхынге – в далеком вражеском тылу: царившая в японских войсках растерянность, вызванная поражением Квантунской армии на фронте, облегчила парашютистам выполнение ответственных заданий.

Наше совместное с Монгольской народно-революционной армией наступление развивалось успешно с первых же часов. Внезапность и сила первоначальных ударов позволили советским войскам сразу же захватить инициативу. В правительстве Японии начало военных операций Советским Союзом вызвало панику. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, – заявил 9 августа премьер-министр Судзуки, – ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны». Таким образом, именно действия Советских Вооруженных Сил, по признанию японского руководства, а не атомная бомбардировка городов Японии американскими самолетами, произведенная 6 и 9 августа, решили судьбу Японии и

ускорили окончание Второй мировой войны.

Массовое уничтожение населения японских городов не диктовалось никакой военной необходимостью. Атомная бомба была для правящих кругов Соединенных Штатов не столько актом конца Второй мировой войны, сколько первым шагом в «холодной войне» против СССР.

Наступление советских войск произошло в условиях упорного сопротивления врага. Тем не менее на всех основных направлениях советские войска отлично справлялись с выполнением поставленных задач. Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшим себе равных в современной войне. К исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 км, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к ее столице Чанчуню и крупному промышленному центру Мукдену. За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таежной местности, прорвав сильную полосу обороны, напомиравшую «линию Маннергейма», только в больших масштабах, и овладев семью мощными укрепленными районами, продвинулись в глубь Маньчжурии на 120–150 км и завязали бой за город Муданьцзян. Войска 2-го Дальневосточного фронта вели бои на подступах к Цицикару и Цзямусы. Таким образом, уже к исходу шестых суток нашего наступления Квантунская армия оказалась расчлененной на части.

Перед лицом неминуемого военного поражения 14 августа правительство Японии приняло решение капитулировать. На следующий день пал кабинет премьера Судзуки. Однако войска Квантунской армии продолжали упорно сопротивляться. В связи с этим после разговора со мной на эту тему И.В. Сталина 16 августа в советской печати было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной Армии, в котором говорилось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции

Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции.

Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии».

В последующие дни советские войска, развивая наступление, стремительно наращивали его темпы. Советская авиация господствовала в воздухе на всем театре военных действий. Тихоокеанский флот прочно закрепил за собой побережье Северной Кореи. Квантунская армия терпела сокрушительное поражение.

17 августа, окончательно потеряв управление разрозненными войсками и сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада отдал приказ начать переговоры с советским Главнокомандованием на Дальнем Востоке. В 17 часов 17 августа от главнокомандующего Квантунской армией была принята радиogramма о том, что он отдал японским войскам приказ немедленно прекратить военные действия и сдать оружие советским войскам, а в 19 часов в расположение войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета были сброшены два вымпела с обращением штаба 1-го фронта Квантунской армии о прекращении военных действий.

Однако на большинстве участков японские войска продолжали не только оказывать сопротивление, но местами переходили в контратаки. В связи с этим я вынужден был тогда же передать генералу Ямада следующую радиogramму: «Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано

о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контр наступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдать в плен. Указанный выше срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

Одновременно я приказал командующему 1-м Дальневосточным фронтом выслать офицеров штаба на аэродромы Муданьцзян и Мулина, уполномочив их сообщить представителям штаба Квантунской армии, что военные действия советских войск будут прекращены лишь тогда, когда японские войска начнут сдаваться в плен. Такая мера была вызвана тем, что многие японские воинские части и гарнизоны из-за потери связи либо не получили приказа Ямада, либо отказались выполнять его.

18 августа в 3 часа 30 минут Ямада ответил по радио советскому Главнокомандованию о готовности выполнить все условия капитуляции.

18 августа на многих участках фронта японские части начали сдаваться в плен.

Чтобы ускорить разоружение капитулировавших японских войск и освобождение захваченных ими территорий, 18 августа я отдал следующий приказ войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов: «В связи с тем, что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально сформированных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил».

Такие отряды создавались во всех армиях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов из танковых частей, стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, и подразделений самоходной и истребительно-противотанковой артиллерии. Для захвата важных военных и промышленных объектов и приема капитуляции их гарнизонов были высажены воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине.

Вслед за воздушными десантами в Мукден, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний вступили передовые отряды, а затем части и соединения 6-й гвардейской танковой армии.

Японские военнослужащие, застигнутые врасплох, сдавались в плен. Среди пленных оказался и маньчжурский император Генри Пу И. В 1933 году в возрасте 27 лет этот представитель Цинской династии был произведен японскими хозяевами в императоры Маньчжурии, став на самом деле их марионеткой. Его неотлучным спутником и постоянным советником стал японский генерал Иосиока. При императоре имелось японское посольство, которое возглавлял командующий Квантунской армией. Когда 19 августа 1945 года наше воздушно-десантное подразделение приземлилось на Мукденском аэродроме, Пу И со свитой, включая его японских советников, уже готовился улететь в Японию, но вместо этого вынужден был сдать в плен советским военнослужащим.

18 августа в Харбине воздушный десант под командованием заместителя начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майора Г.А. Шелахова неожиданно встретил на аэродроме начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Х. Хата. При переговорах с ним Шелахов предложил ему для согласования вопросов, связанных с капитуляцией всей Квантунской армии, в сопровождении лиц, выбранных по усмотрению японского командования, на нашем самолете отправиться на КП командующего 1-м Дальневосточным фронтом. Х. Хата принял это

предложение, и 19 августа в 15 час. 30 мин. по дальневосточному времени там произошла встреча с ним и японским консулом в Харбине Миякава.

Мы предъявили требования о порядке капитуляции, указали сборные пункты приема военнопленных, маршруты движения и время. Х. Хата принял все условия. Невыполнение некоторыми японскими частями и подразделениями приказа о сдаче оружия он объяснил тем, что командование Квантунской армии не смогло вовремя довести приказ о капитуляции, так как на второй день наступления Красной Армии штаб Квантунской армии потерял управление войсками. Далее мы предупредили Х. Хата, что японские войска должны сдаваться организованно, вместе со своими офицерами и что в первые дни капитуляции забота о питании пленных ложится на японское руководство. Войска обязаны переходить к нам с кухнями и запасами продовольствия, японские генералы – являться со своими адъютантами и необходимыми личными вещами. Было также заявлено, что мы гарантируем гуманное отношение не только к высшим чинам, но и ко всем военнопленным.

С 19 августа японские войска почти повсеместно начали капитулировать. У нас в плену оказались 148 японских генералов, 594 тыс. офицеров и солдат. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Маньчжурии и Северной Корее. Успешно завершались операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов.

